

Всеволод Кузнецов (Винница)

**ОТ ПОЛА ЭМПИРИЧЕСКОГО К ПОЛУ
МЕТАФИЗИЧЕСКОМУ (С. Е. ДЕСНИЦКИЙ
И Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ)**

Vsevolod Kuznetsov (Vinnytsia)

**From Empirical Sex to Metaphysical Sex (S. E. Desnitsky and
N. G. Chernyshevsky)**

The article is dedicated to the gender aspects of Enlightenment that arose on Russian ground. The author singles out the two stages in its development. They are Enlightenment-in-Russia and Russian Enlightenment. He tries to compare the typical for these stages attempts to solve gender problems. Desnitsky's work "Juridical Reasoning of the Beginning and the Origin of Matrimony" and Chernyshevsky's novel "What to do" are the objects of comparative analysis.

Цель данного опуса – на конкретном примере показать некоторые различия в трактовке гендерной проблематики между русским Просвещением и Просвещением-в-России. Но что такое Русское Просвещение и Просвещение-в-России? Это два этапа и две формы бытования просвещенской культуры на русской почве. Выделение этих двух этапов и двух форм связано с тем, что, в отличие от европейского Просвещения, которое имманентно модели мира Европейского культурного региона и автохтонно, русское Просвещение занесено извне и привилось в России далеко не сразу. Иначе говоря, Просвещение было для русских сперва чужим и получужим, а затем своим. Отсюда и два этапа.

Просвещение-в-России – 1-й этап. Его можно датировать примерно XVIII – концом 20-х гг. XIX в. Оно является:

а) результатом начальных попыток внести в русскую культуру европейские культурные смыслы;

б) средством перенесения европейских культурных смыслов и форм на русскую почву.

© V. Omelyantchik, 2010

Русское Просвещение – 2-й этап. Оно охватывает период примерно с 30-40-х гг. XIX в. до наших дней. В развитии русского Просвещения можно, в свою очередь, выделить ряд этапов. Первый из них датируется 30-40 гг. XIX в. – 1917 г. На этом этапе русское Просвещение является:

а) средством и результатом адаптации европейских культурных смыслов к русскому восприятию;

б) средством формирования и расширения круга русско-европейских смыслов;

в) способом выражения собственно русских и русско-византийских смыслов в европеизированных формах;

г) способом выражения собственно русских и русско-византийских смыслов в не вполне европеизированных или в не-европеизированных формах, но с использованием европейского культурного инструментария.

Можно сказать, что на данном этапе в русском Просвещении преобладают европейские и европеизированные формы, но доминируют русские и русифицированные смыслы.

Советский и постсоветский этапы развития русского Просвещения дают иную картину и заслуживают отдельного разговора. Следует только заметить, что этап, начавшийся со 2-й пол. 80-х гг. XX в. и незавершившийся по сей день, характеризуется химерическим (в гумилевском смысле) сочетанием русского Просвещения с новым вестернизирующим Просвещением-в-России (второе Просвещение-в-России).

В данной работе я буду говорить лишь о первом Просвещении-в-России. Что же касается русского Просвещения, то речь пойдет о первом его этапе, датируемом, как уже было сказано, примерно 30-40 гг. XIX в. – 1917 г. И опять-таки не обо всем этом историческом промежутке, а о его начальном (ближе к середине) отрезке.

Просвещение-в-России будет представлено здесь сочинением Семёна Ефремовича Десницкого (выученика Адама Смита) «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества», впервые опубликованном в Москве в 1775г. Русское же Просвещение будет репрезентировано романом Николая Гавриловича Чернышевского «Что делать?».

Итак, приступим...

В своем трактате Десницкий рассматривает становление и развитие супружеских отношений. Супружество, по его мнению, есть основа человеческой цивилизации, ибо от него «происходит всех нас рождение и оное общежительное рода человеческого размножение, от которого напоследок родились многочисленные грады, возросли обширнейшие государства и необъемлемые империи» [1, с. 50]. Определяет это состояние мыслитель следующим образом: «По нынешнему просвещеннейших народов совершеннейшему понятию, супружество признается за согласие, благословенное богом, предупреждаемое законом и восприимлемое добровольно между мужем и женою в таком намерении, чтоб жить сочетаю-

щимися во всю жизнь совокупно и единосупружественно, хранить непорочность и верность жития супружеского, родить детей и подавать им общее вспоможение в воспитании и защищении как общему своему порождению, а притом не оставлять друг друга не токмо во время деторождения, но равномерно и после вскормления, воспитания и распределения детей на собственных каждому основаниях жизни» [1, с. 51].

Далее Десницкий рисует следующую схему. Человечество проходит в своей истории четыре этапа развития, связанные с различными формами хозяйства: 1) охотничьего хозяйства; 2) кочевого скотоводства; 3) оседлого земледелия; 4) коммерции.

Что касается народов, пребывающих на охотничьей стадии, то «смешение у них обоего пола невозбранное есть вместо супружества, и жены у таких мужей суть вместо рабынь, над коими они живота и смерти власть имеют» [1, с. 52]. Поскольку «все нужное ко продолжению жизни снискивается крепостию, трудом и не меньше как исторжением насильственным у природы» [1, с. 52], то слабые женщины мужчинам не помощницы, а обуза (равно как и дети). К тому же нет в представительницах женского пола ни «дарований внутренних», ни «прелестей наружных» [1, с. 52]. «Ибо какой красоте можно быть на лице того человека, который в середине льдов и в снегах северных живет погребен, или который в знойных пределах открытый под солнцем и иссохший скитается по степям. Сверх сих неудобств и самое обращение обоего пола у таких народов, незапрещенное и незазорное со всяким, натурально рождает холодность и отвращение от такого неразлучного общежития» [1, с. 52].

Зато у кочевников супружество уже имеется, но неправильное. Тут и многоженство, и групповые формы брака, и всяческое варварство. «Жены в таком первоначальном супружестве хотя и ни в какой нежности не содержатся и нимало не разнствуют от рабынь, над которыми <...> мужья имели варварскую живота и смерти власть, но со всем таким варварством жены и при сем начале для хозяйства оказались полезными, и сия первая происходящая от них польза была первым введением супружества» [1, с. 53].

Земледельческое хозяйство богаче и сложнее скотоводческого. Мужчина уже не может сам управиться со всеми делами. Ему нужен верный помощник, каковым становится жена. «С умножением его дому умножаются его и дела в домоводстве, за которыми поколику сам уже он присмотреть не в состоянии, того ради натурально представляется ему надобность в избрании такого помощника, на которого бы он мог надеяться и который был бы ему верен, тщателен и усерден, как он сам себе. Снисканный им таким образом толикий помощник в жизни другой не может быть никто лучшим, как жена его» [1, с. 54]. Теперь жена не рабыня, не бессильное приложение к мужу. У нее есть собственная функция в хозяйстве, т.е. происходит разделение обязанностей и ответственности между полами. «Соединяющая в такой союз

природа супругов сама предписывает собственные каждому должности и открывает им происходящую от наблюдений оных пользу, приятность и услаждение. На такой конец, когда она мужа сотворила приобретателем и искателем вне дому благ, жену хранительницею оных сделала внутреннею дома» [1, с. 54].

Коммерческое состояние приносит с собой обогащение людей и упадок нравов. «<...> Почему и супружество при таком случае с совершенством своим нередко иногда и на развратное мужа и жены житие похожим примечается» [1, с. 56]. Однако на этой стадии супружество усовершенствуется.

Предпосылкой дальнейшего усовершенствования института брака является подведение под него договорной основы, что происходит далеко не сразу. «<...> Первым в приобретении жены было мужа долговременное сожитие с нею <...> Второй способ в приобретении жен состоит в покупке оных <...> Последний способ в приобретении жен состоял в заключении приличных к тому договоров <...> Сими последними способами супружество у народов даже и языческих к совершенству приведено и законом начало быть управляемо; но в просвещеннейшие веки христианское супружество несравненно большую получило себе твердость и совершение <...>» [1, с. 56-57]. Кроме того, «при возвышающемся народов состоянии женский пол не токмо уравнен мужескому, но в некоторых случаях и предпочтен оному» [1, с. 56-57].

Такое уравнивание полов имело тройкое основание. Во-первых, через возрастание приданого женщины получили твердую имущественную опору. «<...> Жена в понесение бремени супружества не токмо равною сделалась мужу, но иногда и превосходящею достатком своим. Такое их имение сделало жену независимую от мужа <...>» [1, с. 58]. Во вторых, «просвещение нравов народных и последовавшее отсюда большее чувствование людскости и человечества, которое у нас смягчает сердца и воспящает нам быть жестокосердыми, были причинами немалыми в отменении оною древних бесчеловечного обхождения с женами и в уничтожении варварския оныя мужния власти живота и смерти над женами» [1, с. 58]. В-третьих, «душевные женского пола дарования и качества внешние несравненно больше напоследок пленили мужской пол в любовь и почтение к себе <...>» [1, с. 59]

И в завершение Десницкий восхищается успехами просвещения женщин: «<...> в наши времена первое о воспитании их всеми прилагается старание и с толиком успехом, что многие, к бессмертной славе своего пола, нимало мужскому не уступающими в науках доказали себя пред всем ученым светом...» [1, с. 59].

Итак, в трактате Десницкого мужское и женское начала погружены в семейно-родовую и хозяйственную сферы жизни, причем первенство откровенно отдается хозяйственной. Правильные отношения полов должны регулироваться законом. Цель таких отношений — продолже-

ние рода и достижение хозяйственного преуспеяния. Поэтому на первое место выводятся именно супружеские отношения, а все прочие мыслятся производными от них.

Любовь не рассматривается как фактор, определяющий взаимоотношения полов, ибо «не столько любовь обоего пола взаимная, сколько происходящая от общежития мужа и жены польза была причиною первоначального порядочного супружества» [1, с. 54]. Вообще любовь вчистую проигрывает материальным факторам: «Самая любовь, хотя бы и наисильнейшая из всех была страсть, без пищи и питья, как говорится в пословице латинской, гладнеет» [1, с. 52].

О пользе же Десницкий рассуждает не без цинизма. Когда, к примеру, он обращается к проблеме происхождения «порядочного супружества», то в его основе обнаруживает весьма специфические мотивы. «<...> Польза супружества первоначальным народам открывается не токмо в домоводстве, но и в продаже детей. Сию происходящую от корыстолюбия и варварства пользу имели все первоначальные народы в обыкновении <...> Сие корыстолюбивое продавание детей было побуждением немалым ко введению супружества и причиною полигамии, извержения младенцев и оныя варварския власти, каковая по старинным законам дозволялась родителям в животе, смерти и продаже детей» [1, с. 54-55]. И что же? Никакого особого возмущения Десницкий не высказывает. Пустяки, мол, дело-то житейское. Главное, чтоб человечество развивалось в правильном направлении. И за информацией о торговле детским вполне закономерно следует такой пассаж: «Но каково бы ни было супружество в сем состоянии, однако происходящая по оному от жены и детей польза в сельском житии велика, и плоды в оном человеку приносятся весьма обильные, из которых он иные на блаженство и услаждение свое, иные в замену на потребности и в продажу на сокровища обращает, отчего напоследок открывается смертным и самое величайшее состояние — *коммерческое*» [1, с. 55].

Кроме соображений пользы, на отношения мужчины и женщины сильно влияет также и общечеловеческое стремление к совершенствованию всех сфер жизни людей. «Попечительна о блаженстве смертных природа верховное счастье человека, по-видимому, утвердила на всегдашнем его устремлении к высшему состоянию. Одни желания рождают в нем другие; а как первые, так и последние всегда влекут его и возносят к возвышению; того ради низвержение в низшее состояние, равномерно как и закоснение во едином, всеми чувствуется наиужаснейшим злополучием, какому только род человеческий подвержен быть может. Чувствование сего злоклучения делает человека предосторожным и, восхищая его от упадения, споспешником ему и стражем есть во всех желаниях, ведущих его жизнь на верх благополучия. Таким страстоприимством от природы устремляемый и предохраняемый, человек, одни исполнив желания, предается другим и избирает

вдаль себе лучший способ жития <...>» [1, с. 53-54]. Любовь же начинает играть какую-то роль лишь под действием просвещения (и Просвещения). Она приходит «напоследок».

Результатом исторического (прежде всего хозяйственного) развития оказывается и приобретение женщинами «дарований внутренних» и «прелестей наружных». Таким образом, женщина является эдукационным материалом, объектом эдукационного процесса, где роль Абстрактного Воспитателя выполняют экономические факторы. При этом изначально женщина как материал лишена каких-либо определенных качеств, качественную определенность (дарования и прелести) она обретает в процессе эдукации. Положение мужчины сложнее. С одной стороны, он тоже совершенствуется в процессе хозяйственного развития, а следовательно, является объектом эдукации. С другой, он – орудие Абстрактного Воспитателя, посредник между ним и женщиной, по отношению к которой выступает уже как субъект эдукации, так сказать, воспитатель второго порядка. Поэтому положение мужчины двойственно – объект-субъектно.

А теперь, я перейду к Чернышевскому. Я не имею здесь возможности обосновывать принадлежность последнего к просвещенцам, поэтому просто сошлусь на работы В.Ф. Пустарнакова [2, 3] и обращусь сразу к роману «Что делать?».

Меня будет интересовать четвертый сон Веры Павловны, посвященный Женственности. В самом начале этого сна Женственность являет себя в качестве космической природной силы, неразрывно связанной с Любовью и Красотой (возможно, Красота и Любовь есть проявления Женственности). Здесь также прослеживается характерное для русской культуры тождество Женственности и Земли [4, с. 322-323].

Затем возникают символы дворца и пира, маркирующие переход от космоса к социуму. Тут же дается весьма прозрачный намек на то, что социум, о котором идет речь, ориентирован на служение любви: «Шум и шепот под шум, смех и тайком пожатие руки, и порою украдкой неслышный поцелуй» [4, с. 323]. «И встает поэт» [4, с. 323]. Это пророк Женственности. «Чело и мысль его озарены вдохновением, ему говорит свои тайны природа, ему раскрывает свой смысл история, и жизнь тысячелетий проносится в его песне рядом картин» [4, с. 323]. Из слов поэта становится понятным, что Женственность действует не только в космосе, но и в истории. И Чернышевский вычерчивает схему исторического развития женского начала.

Первый этап – общество пастухов-кочевников. Впрочем, выясняется, что эти пастухи озабочены отнюдь не хозяйственной деятельностью: «у них одно дело – любовь» [4, с. 324]. Однако женщины здесь рабыни. Мужчины властны над их жизнью и смертью. Женственность тут олицетворяет Астарта, но это не истинное воплощение Женственности. Вот как описана она: «Роскошная женщина. На руках и на ногах ее тяжелые

золотые браслеты; тяжелое ожерелье из перлов и кораллов, оправленных золотом, на ее шее. Ее волосы увлажнены миррою. Сладострастие и раболепство в ее лице, сладострастие и бессмыслие в ее глазах» [4, с. 324].

В пастушеском обществе Женственность полностью подпадает под власть материального начала. Тяжка эта власть. Ее символизирует тяжесть украшений богини. Духовности же Женственность лишена («бессмыслие в глазах»). Да и любовь тут ненастоящая — либидо, не Эрос (сладострастие в лице и в глазах).

Кочевое общество сменяется античным. И опять никакой экономики: «И как прекрасен народ, толпящийся на площадях, на улицах: каждый из этих юношей, каждая из этих молодых женщин и девушек могли бы служить моделью для статуи. Деятельный, живой, веселый народ, народ, вся жизнь которого светла и изящна. <...> И все эти люди, такие прекрасные, так умеющие понимать красоту, живут для любви, для служения красоте» [4, с. 324]. Но и здесь у женщины нет свободы. Женщине поклоняются, но лишь как источнику наслаждений. В ней не видят человека. Она — полурабыня. Поэтому подлинного воплощения Женственности не найти и тут. Властвующая над античным миром Афродита также только тень истинной Женственности. «На этой царице нет никаких украшений, — она так прекрасна, что ее поклонники не хотели, чтобы она имела одежду, ее дивные формы не должны быть скрыты от их восхищенных глаз. <...> И в ее глазах только нега физического наслаждения. Ее осанка горда, в ее лице гордость, но гордость только своею физическою красотою» [4, с. 325].

Впрочем, у древних греков ситуация менее однозначна, нежели у пастухов. Отсутствие украшений и одежд (некая обнаженность идеи прекрасного) у Афродиты явно символизирует куда более идеалистическое понимание Красоты и Женственности. Но физическая форма настойчиво выводится на первый план (идея прекрасного не воспринимается вне этой формы). Да и либидо никак не уступает поля Эросу. С другой стороны, и некоторый прогресс налицо: духовно женщина все же подросла, обзавелась какой-никакой гордостью.

Следующий этап — средневековое общество. Тут происходит открытие духовности. Красота и Любовь стремятся отрешиться от плоти. Но Истинная Женственность, беседующая с Верой Павловной, объявляет подобный подход слишком сильным отклонением от правильного восприятия Ее природы. Почему? Потому что маятник резко качнулся в другую сторону. Пришел Эрос, оторванный от плоти, а обыденная жизнь осталась царством самого примитивного, самого низменного либидо. Женственность говорит о мужчине той эпохи и его отношении к партнерше: «Он любил ее, пока не касался к ней. <...> Ту женщину, которой касался мужчина, этот мужчина уж не любил тогда» [4, с. 326].

Новая тень Женственности зовется Непорочностью, что подчеркивает ее чрезмерно идеальный, неземной характер. «Скромная, крот-

кая, нежная, прекрасная, — прекраснее Астарты, прекраснее самой Афродиты, но задумчивая, грустная, скорбящая. Перед нею преклоняют колена, ей подносят венки роз» [4, с. 326].

Все эти неполные воплощения Женственности преходящи. На это указывает Истинная Женственность: «Все они еще продолжают царствовать, но царства всех их падают. С рождением каждой из них началось падать царство прежней. И я родилась только тогда, когда стало падать царство последней из них. И с тех пор как я родилась, царства их стали падать быстро, быстро, и они вовсе падут, — из них следующая не могла заменить прежних, и они оставались при ней. Я заменяю всех, они исчезнут, я одна останусь царствовать над всем миром. Но они должны были царствовать прежде меня; без их царств не могло прийти мое» [4, с. 326].

Истинная Женственность пришла в мир в Век Просвещения. Ее появление возвестил Руссо в «Новой Элоизе» [4, с. 327]. С тех пор Женственность постепенно завоевывает землю. Отнимая Власть у своих теней, она как бы вбирает их в себя, синтезирует их сущности, добавляя к ним совершенно новые качества. От Астарты в ней «наслаждение чувства», от Афродиты — «упоение созерцанием красоты» от Непорочности — «благоговение перед чистой». А сверх того в ней — свобода, а также «равноправность любящих, равное отношение между ними, как людьми» [4, с. 329]. «От равноправности и свободы и то мое, что было в прежних царицах, получает новый характер, высшую прелесть, прелесть, какой не знали до меня, перед которой ничто все, что знали до меня. До меня не знали полного наслаждения чувства, потому что без свободного влечения обоим любящих ни один из них не имеет светлого упоения. До меня не знали полного наслаждения созерцанием красоты, потому что если красота открывается не по свободному влечению, нет светлого упоения ее созерцанием. <...> Моя непорочность чище той «Непорочности», которая говорила только о чистоте тела: во мне чистота сердца. Я свободна, потому что во мне нет обмана, нет притворства: я не скажу слова, которого не чувствую, я не дам поцелуя, в котором нет симпатии» [4, с. 329-330]. Цель такого синтеза — достижение единства духовного и телесного начал, единства и однонаправленности либидо и Эроса. Но для успешного завершения синтеза необходимо появление нового человека, совершенного человека. «<...> Когда все люди будут прекрасны телом и чисты сердцем, тогда я открою им всю мою красоту» [4, с. 330].

Далее мы видим, как выглядит мир совершенного человека, ведущего «вольную жизнь труда и наслаждения» [4, с. 338]. Это — царство Эроса и Женственности, а точнее, Женственности, которая полностью тождественна Любви. Истинная Женственность говорит Вере Павловне: «Я царствую здесь. Здесь все для меня! Труд — заготовление свежести чувств и сил для меня, веселье — приготовление ко мне, отдых после меня. Здесь я — цель жизни, здесь я — вся жизнь» [4, с. 338]. Насла-

ждения совершенных — прежде всего наслаждения половой любви: «Ты видела в зале, как горят щеки, как блистают глаза; ты видела — они уходили, они приходили; они уходили — это я увлекла их, здесь комната каждого и каждой — мой приют, в них мои тайны ненарушимы, занавесы дверей, роскошные ковры, поглощающие звук, там тишина, там тайна; они возвращались — это я возвращала их из царства моих тайн на легкое веселье» [4, с. 338].

На земле Истинная Женственность не имеет конкретного воплощения. Поскольку она связана с Любовью, то воплощается во всех любимых и любящих. «Ты хотела узнать мое имя, у меня нет имени, отдельного от той, которой являюсь я, мое имя — ее имя; ты видела кто я (Верре Павловне было явлено ее собственное лицо — В. К.). Нет ничего выше человека, нет ничего выше женщины. Я та, которой являюсь я, которая любит, которая любима. <...> Ты видишь себя в зеркале такую, какая ты сама по себе, без меня. Во мне ты видишь себя такую, какую видит тебя тот, кто любит тебя. Для него я сливаюсь с тобою, Для него нет никого прекраснее тебя; для него все идеалы меркнут перед тобою» [4, с. 328-329]. Таким образом, для откровения Женственности необходимо присутствие мужчины. Мужчина — проявитель Женственности в женщине. Хотя так было не всегда...

Исторический процесс есть процесс воспитания. Во-первых, мужчины и женщины воспитывают друг друга, во-вторых те и другие совместно воспитываются Красотой. Именно Красота, воспринятая мужчиной через женщину, вывела людей из животного состояния. Но мужчина долгое время был лже-воспитателем. Он убивал в женщине человеческое, лепил из нее рабыню, вещь, игрушку.

«Люди были как животные. Они перестали быть животными, когда мужчина стал ценить в женщине красоту. Но женщина слабее мужчины силою; а мужчина был груб. Все тогда решалось силою. Мужчина присвоил себе женщину, красоту которой стал ценить. Она стала собственностью его, вещью его. Это царство Астарты.

Когда он стал более развит, он стал больше прежнего ценить ее красоту, преклонился перед ее красотой. Но ее сознание было еще не развито. Он ценил только в ней красоту. Она умела думать еще только то, что слышала от него. Он говорил, что только он человек, она не человек, а она еще видела в себе только прекрасную драгоценность, принадлежащую ему, — человеком она не считала себя. Это царство Афродиты.

Но вот начало в ней пробуждаться сознание, что и она человек. Какая скорбь должна была обнять ее и при самом слабом появлении в ней мысли о своем человеческом достоинстве! Ведь она еще не была признаваема за человека. Мужчина еще не хотел иметь ее иною подругою себе, как свою рабыню. И она говорила: я не хочу быть твоею подругою! Тогда страсть к ней заставляла его умолять и смиряться, и он забывал, что не считает ее человеком, и он любил ее, недоступную,

неприкосновенную, непорочную деву. Но лишь только верила она его мольбе, лишь только он касался ее – горе ей! Она была в руках его, эти руки были сильнее ее рук, а он был груб, и он обращал ее в свою рабыню и презирал ее. Горе ей! Это скорбное царство девы» [4, с. 327].

И Красота сама по себе не справилась бы со злой силой мужчины. Но в дело вмешалась еще одна ипостась Истинной Женственности. Если та ипостась, о которой я говорил до сих пор, связана с половой любовью, то эта – с любовью всеобщей. Сама она представляется Вере Павловне: «Ты меня зови любовью к людям» [4, с. 110]. Она вечна и поистине всеобъемлюща: «Она была всегда, она была прежде всех, она уж была, как были люди, и всегда работала неутомимо» [4, с. 327]. Под ее руководством развивалось сознание мужчин и женщин. Именно этот рост сознания и самосознания подготовил появление Царицы Влюбленных, чье царство полностью осуществится в светлом будущем. Отношения Женственности, воплощающей половую любовь, с Женственностью, воплощающей любовь всеобщую, сложны. Вот что говорит Царица Влюбленных о своей сестре: «Она моя владычица и слуга моя. Я могу быть только тем, чем она делает меня; но она работает для меня» [4, с. 331].

В настоящем власть Царицы Влюбленных не только неполна, но и прикровенна: «<...> Мое царство растет. Еще не над многими я царица. Но оно быстро растет, и ты уже предвидишь время, когда я буду царствовать над всею землею. Только тогда вполне почувствуют люди, как я хороша. Теперь те, кто признают мою власть, еще не могут повиноваться всей моей воле. Они окружены массою, неприязненною всей моей воле. Масса истерзала бы их, отравила бы их жизнь, если б они знали и исполняли всю мою волю. А мне нужно счастье, я не хочу никаких страданий, и я говорю им: не делайте того, за что вас стали бы мучить; знайте мою волю теперь лишь настолько, насколько можете знать ее без вреда себе» [4, с. 327-328].

Таким образом, возникает весьма специфическая эдукационная иерархия: Женственность, тождественная всеобщей любви – Красота – царицы – мужчины и женщины. Пожалуй, здесь можно также увидеть пирамиду эманаций Женственности: Вечная Женственность (Космическая Женственность, Женственность-Земля, которая неотделима от Любви и Красоты) – Женственность-Всеобщая Любовь – Красота – Женственность-половая любовь – женственность в женщинах. Всеобщая Любовь есть верховный Абстрактный Воспитатель. Красота – Абстрактный Воспитатель второго порядка. Царицы же выступают одновременно и воспитателями и воспитуемыми. Они воспитывают людей, служа Красоте, но и сами воспитываются Всеобщей Любовью. Историческая смена цариц – это процесс трансформации примитивного либидо в половую любовь. Мужчины и женщины являются прежде всего объектами воспитательного процесса. Однако их объектность не абсолютна, поскольку от них требуются и усилия, направленные на само-

воспитание. Кроме того, мужчина постоянно рвется в воспитатели, стремясь превратить женщину в чистый объект. Но подобные устремления мужчины, как уже было сказано, осуждаются. Хотя... Усилия мужчины по выявлению Красоты в женщине – важнейшая часть воспитательного процесса. А потому мужчина все же отчасти попадает в воспитатели. А на долю женщины остается одно только самовоспитание.

Не вполне ясно, что станет с этой эдукационной иерархией в светлом будущем. Завершиться воспитательный процесс не может, ибо пределов человеческому совершенству нет. Стало быть, развитие продолжится. Но верхнюю ступень пирамиды теперь, вероятно, займет Женственность, связанная с половой любовью. Мужчины и женщины полностью уравниваются в субъект-объектном статусе. А что станет со Всеобщей Любовью, неизвестно. Может быть, сольется с новой царицей? А может быть, вообще не будет никакой пирамиды, и все ипостаси Женственности будут восприниматься как единое целое?

А теперь я проведу краткое сопоставление двух рассмотренных схем. Во-первых, схема Десницкого материалистична, а схема Чернышевского идеалистична (я не люблю примитивного деления мыслительных конструкций на материализм и идеализм, но тут просто иначе не скажешь). Во-вторых, Десницкий, хотя выделяет особо проблему равноправия женщин, но его все же интересуют оба пола и отношения между ними. Чернышевский же сосредоточен именно на женском вопросе. В-третьих, у Десницкого над людьми стоят некие экономические закономерности, людей ведут и влекут соображения хозяйственной пользы. Пол же отнюдь не является какой-то самодеятельной силой. У Чернышевского пол (женский пол) трансцендирует: деятельностью людей управляет Вечная Женственность, и исторический процесс оказывается процессом ее самораскрытия, самовыявления, а также процессом ее опознания, признания и познания людьми. При этом идея Вечной Мужественности напрочь отсутствует. В-четвертых, Десницкий юридичен. Главная форма отношений между полами для него брак. Для Чернышевского же супружеские отношения – вещь второстепенная. В-пятых, для Десницкого половая любовь не слишком важна, а у Чернышевского она занимает центральное место. В-шестых, Чернышевский конструирует более сложную эдукационную иерархию.

Названные здесь различия указывают на встроенность рассмотренных схем в совершенно разные культурные контексты. Для Десницкого это европейская система взглядов на общественный прогресс. Для Чернышевского это русский космизм (под космизмом в данном случае понимается определенное мировосприятие, а не какое-либо культурное или философское течение).

Дело в том, что одна из несущих конструкций русского космизма – представление о мироустроительной роли женского начала. В ходе своей мироустроительной деятельности женское начало то борется, то со-

единяется с мужским. Мужское начало может также использоваться женским в качестве орудия. У Чернышевского мы видим, как космическое женское начало организует общественный прогресс. При этом Женственность, с одной стороны, преодолевает сопротивление мужского начала, с другой, заставляет его служить своим целям. Конечный успех Женственности гарантируется равноуровневостью мужского и женского начал. Женственность космична, хотя и проявляет себя в истории. Мужское же начало всего лишь исторично, а потому заведомо слабее. Оно, конечно, пытается подчинить себе Женственность, но добивается лишь временного подчинения женщины мужчине. Финальное же торжество Женственности предполагает единение мужского и женского начал. Для русского космизма характерно также представление о рождении космоса в результате воссоединения мужского и женского начал, завершающего период их борьбы. У Чернышевского воссоединение мужского и женского – ключ к рождению нового общества.

И, наконец, главный вывод. Схема Чернышевского метафизична, а схема Десницкого – нет. И здесь как раз обнаруживается весьма существенная разница между Просвещением-в-России и русским Просвещением: метафизическая составляющая Просвещения-в-России слаба, в русском же Просвещении означенная составляющая демонстрирует тенденцию к усилению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Десницкий С. Е. *Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества* / С. Е. Десницкий // *Русская философия второй половины XVIII в.* – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – С. 49-59.
2. Пустарнаков В. Ф. *Еще раз о сущности философии русского Просвещения 1860-х гг. и впервые о его кризисе* / В. Ф. Пустарнаков // <http://www.philosophy.ru/library/catalog.html>.
3. Пустарнаков В. Ф. *Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа* / В. Ф. Пустарнаков // <http://www.philosophy.ru/library/catalog.html>.
4. Чернышевский Н.Г. *Что делать?* / Чернышевский Н.Г. – К.: Рад. школа, 1984. – 415 с. ISBN 5-7390-0346-6

Vsevolod Kuznetsov, Applicant for PhD in philosophy at the Department of Philosophy in Vinnica National Technical University

Всеволод Кузнецов, аспирант кафедри філософії Вінницького національного технічного університету
